

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ И ПОВОЛЖЬЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Л.Б. Четырова

РУССКИЙ ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ

Самарский государственный университет

Тема утраты этнического языка национальными меньшинствами в России является одной из злободневных для тех, кого занимает вопрос об этносах, нациях, их культуре и идентификации. Язык является важнейшим маркером, позволяющим установить границы этнической группы. Исчезновение родного языка рассматривается многими – не только теми, кого зовут профессионалы представлений, но и обычными людьми как начало исчезновения этнической культуры.

В докладе речь пойдет, во-первых, о трансформации функций русского и этнического языка, произошедшей в ходе советского опыта аккультурации этнических групп. Во-вторых, о русском языке как языке национальных меньшинств.

Каковы причины исчезновения этнических языков? Главную причину следует искать в советском опыте модернизации. Октябрьская революция положила начало социалистическому типу модернизации, успешность реализации которой зависела от того, насколько новая власть способна консолидировать в опыте строительства социализма разноязыкое полиэтническое общество, укорененное не только в феодализме, но даже в родовом строе. Большевики должны были создать такой смысловой горизонт, который, очерчивая мир строящегося социализма, позволил бы осуществить коммуникацию множества этнических групп. При этом смысловые единицы должны были соответствовать новым реалиям. Делая революцию, большевики уничтожали прежние политические, экономические, социальные структуры и одновременно с этим ломали и структуры прежнего языка. Создавая новые социалистические институты, большевики создавали новый язык, способный выразить новый опыт. Без нового языка формирование новых социалистических институтов и отношений было бы невозможным. Большевики интуитивно понимали важность языка для человека, живущего в мире, и эмпирически пришли к тому же, с чего начинается герменевтика – проблеме языка как опыта мира, проблеме предистолкованности мира в языке. Гадамер, говоря о взаимосвязанности языка и мира, утверждал, что не только мир является миром, поскольку он полу-

чает языковое выражение, – но подлинное бытие языка состоит в том, что в нем выражается мир [1: 513].

Имеющиеся в наличии к началу строительства основ социализма этнические языки не имели ни категориального аппарата, ни грамматических структур для выражения нового социалистического опыта. Необходим был язык, который можно было бы использовать в коммуникациях, язык, способный участвовать в таком смыслопорождении, которое бы обеспечивало восприятие и понимание опыта нового мира. Такой язык должен был задавать новую культурную дистанцию и переопределять отношения власти-подчинения, появившиеся в новом социалистическом мире, способствовать формированию новых социальных агентов – социалистических классов и наций. Большевики конструировали социалистические нации точно так же, как классики марксизма в свое время создавали рабочий класс. Создавая новые категории и преобразуя тем самым язык, большевики решали важную социальную проблему консолидации общества. Посредством апроприации новых категорий происходил процесс “двойной ассимиляции”, с одной стороны, ассимиляция населения в категории национальной политики, с другой – интеграция в новом качестве в Советский Союз [2: 186].

Таким образом, социалистическая революция была не только политической или экономической, это была ментальная революция, радикально изменившая сознание людей. Большевики, используя ученых – историков, лингвистов, этнографов, географов, устанавливали новые смысловые горизонты, формировали новое пространство смыслов, доступных нарождающимся из многочисленных этнических групп нациям.

Социалистический тип аккультурации, вначале осуществлявшийся как стратегия интеграции, сменился затем стратегией ассимиляции. Новые этнические языки рождались в ситуации сложнейшего культурного конфликта между русской культурой, этническими культурами и новой социалистической культурой. Большевиками создавался этнический литературный язык, который становился достоянием масс. При этом отношение к старописьменным языкам, к которым относился, например, калмыцкий язык, было резко отрицательным [3: 46]. Языковая политика, проводимая в отношении к нерусским народам СССР, была политикой бикультурализма и его частного случая – билингвизма, который сменился русскоязычием малочисленных народов.

Причину отказа от этнического языка в пользу русского следует искать даже не столько в политике советского государства, сколько в сложившемся социальном пространстве, значимостью в нем символического капитала, каковым был язык. Ссылаясь на Бурдье, французский социолог Ф. Эран отмечает, что отказ от одного языка в пользу другого обусловлен тем, что люди строят свое языковое поведение исходя из символической

цены того или иного языка, из того, какие возможности открывает им использование определенного языка [4: 100].

Я проиллюстрирую данное положение, обращаясь к языковому поведению девушек-калмычек во время депортации. Что происходило с калмыцким языком в этот трагический для калмыков период? Для анализа я использовала интервью, проведенные с женщинами-калмычками, пережившими выселение. Все рассказчицы отмечали важность знания русского языка, который использовался как средство адаптации, как инструмент идентификации. По их мнению, знание русского языка свидетельствовало не только о грамотности человека, но и его способности успешно реализовать себя, а также защитить себя. Русский язык был необходимым условием коммуникации в условиях социально-психологической изоляции спецпереселенцев.

Однако тот русский язык, который усвоили спецпереселенцы и на котором они говорят сейчас, отличается от нормативного русского языка. Например, в этом языке практически отсутствуют прилагательные, причастные и деепричастные обороты, без которых русский язык утрачивает своеобразие и живость. Это скорее язык действий, команд, императивов. Для выражения эмоций рассказчицы используют междометия или восклицания. По-видимому, здесь свою роль сыграли особенности калмыцкого языка, в котором указанные части речи менее значимы, чем в русском. Свою роль сыграл, по-видимому, тот факт, что со спецпереселенцами общались на языке императивов.

Используясь в межпоколенной трансляции культуры, такой *калмыцкий* русский стал повседневной речью молодых поколений. Несомненно, такой язык существенно повлиял на усвоение нормативного русского языка, преподаваемого в школе. Сегодня лингвисты говорят о существовании разных английских языков – американском, индийском, нигерийском и других английских. Думаю, здесь уместна аналогия между индийским английским языком и калмыцким русским языком. Именно этот язык выполняет интегрирующую и дифференцирующую функции, функции трансляции культуры.

Что касается калмыцкого языка, то он используется калмыками как символическое средство этнической самоидентификации. Калмыки в массе своей русскоязычный народ. Однако почти 90% калмыков, демонстрируя высокий уровень языковой лояльности к калмыцкому языку, указали в документах последней переписи населения калмыцкий язык в качестве родного. И это несмотря на то, что уже на протяжении трех десятилетий у школьников-калмыков, как отмечают эксперты в области образования, калмыцкий язык относится к числу наименее любимых предметов. По моему мнению, причина подобного отношения кроется, во-первых, в том, что был создан такой новый литературный язык, который далек от

языка повседневного общения, во-вторых, в неудовлетворительности методики его преподавания.

Этническая самоидентификация осуществляется при помощи средств искусства, к примеру, посещение спектаклей на калмыцком языке. Во время спектакля зритель-калмык использует наушники для перевода, которыми оснащены кресла в театре. Язык и здесь выступает в своей символической роли.

Библиографический список

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. Hirsch, F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union” / F. Hirsch. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.
3. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В.М. Алпатов. – М.: Институт востоковедения РАН, 1997. – 192 с.
4. Эран, Ф. Неизбежно ли исчезновение языкового многообразия? / Ф. Эран // Этнопанорама: научно-публицистический журнал.– 2004. – № 1. – С. 99-103.

Л.Л. Аюпова, В.Р. Галимьянова

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯЗЫКОВ, ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ В ПОВОЛЖЬЕ

Башкирский государственный университет

Языковое многообразие Поволжья представляет научный интерес не только с точки зрения структурной типологии, но и с точки зрения социальной типологии, так как социолингвистические черты этих языков не одинаковы, а их социальная история и перспективы глубоко различны.

Социолингвистические параметры языка определяются объемом и структурой коммуникации, зависящих от количества людей и количества этносов, говорящих на языке; количества административно-территориальных объединений и состава общественных функций, а также социальных сфер, в которых используется язык. Кроме коммуникативного ранга языка целесообразно учитывать продолжительность письменной традиции, степень стандартизованности языка, наличие и характер кодификации, взаимоотношения с ненормируемыми формами существования языка (диалектами, просторечием), правовой статус языка и его фактическое положение в условиях многоязычия.

Сложный этнодемографический и языковой состав Поволжья определяет специфический характер языковой ситуации. Можно говорить о том,